

Обшивку «Шаттла» могут делать в Магнитке

Так утверждают наши земляки, создатели уникальной электрической асинхронной компенсированной машины.

Когда на недавней очень престижной XI научно-технической международной конференции «Электроды переменного тока», раз в три года организуемой в Екатеринбурге Уральским государственным техническим университетом, выступили с докладом «Асинхронный компенсированный двигатель — современный элемент автоматизированного электропривода переменного тока» магнитогорцы А. Л. Савицкий и Р. Г. Мугалимов, в зале поднялась буря. Участники конференции (а в ней принимали участие представители Германии, Финляндии, Польши, Италии, Венгрии, Японии, Украины, России), в числе которых было немало ученых с мировым именем, никак не могли поверить, что можно создать такую уникальную электрическую машину, о которой вели речь наши земляки. Но когда на следующий день они эту машину увидели в работе, то были потрясены. И убедились, что в Магнитке действительно создали первый образец «Электрической асинхронной компенсированной машины» (кстати, книга А. Савицкого под таким названием мгновенно разошлась среди участников конференции) — машины XXI века.

Преимущества у нее очень много. Сфер применения — тоже, вплоть до столь специфических, что специалисту трудно поверить (в принципе, такая машина даже может проникнуть в кровь человека и уничтожить раковые клетки). Недаром разработчики (работа сделана физико-технологическим центром Магнитогорского муниципального института управления) провели переговоры с представителями ряда фирм Германии и Финляндии. А от поляков и вовсе получили конкретное предложение: разработать вместе с ними линейный асинхронный компенсированный двигатель для поездов на магнитной подвеске. Дело в том, что существующие сегодня двигатели имеют очень большие габариты и позволяют развивать скорость движения поездов на магнитной подвеске до 450 (в Японии) или до 560 километров в час (во Франции и Италии). Применение же магнитогорского изобретения приведет не только к значительному уменьшению габаритов двигателя — в два-три раза, но и к

увеличению скорости движения поездов на магнитной подвеске — она составит в линейном варианте около 700 километров в час.

Без помощи ММК машина, произведшая сенсацию на конференции в Екатеринбурге, не состоялась бы. В течение 20 лет на комбинате, в электроремонтном цехе, велись разработки, проводились эксперименты, изготавливались опытные образцы (всего было изготовлено около 70 машин), проходившие испытания в самых тяжелых производственных условиях — на рольгангах, ножницах, станках механической обработки. И недаром в упомянутой выше книге, где описана теория и математическая модель машины, А. Л. Савицкий выражает признательность «руководству ОАО «ММК», главному энергетiku Г. В. Никифорову, Р. Г. Мугалимову, а также В. Ф. Алферову, Ю. В. Строеву, Л. М. Зацепину, работникам электроремонтного цеха ЗАО «Электроремонт» за многолетнюю поддержку в научном поиске».

Что очень важно: электрическую машину можно выпускать на нашем комбинате.

Производство вполне может быть налажено здесь, в Магнитке, — утверждает автор проекта, директор Магнитогорского лицея, академик РАН А. Л. Савицкий. — А это и диверсификация, и создание новых рабочих мест, и внедрение высоких технологий, технологий завтрашнего дня...

Сейчас, по словам А. Л. Савицкого, авторы изобретения «завязались» с объединением «Энергия», которое изготавливает космические корабли последней серии (так называемые русские «Шаттлы»). Какие-то части обшивки этих кораблей вполне могли бы изготавливаться у нас, в Магнитогорске. Например, на коксохоме...

Американский металлургический Питсбург в свое время уже сталкивался с теми проблемами, которые ныне необходимо решать в Магнитке. Практичные американцы диверсификацию производства провели быстро, и сегодня половина бывшего штатовского металлургического супергиганта работает в рамках национальной космической программы. Почему бы ММК не использовать заокеанский опыт? Тем более, что именно в недрах комбината изготавливались, а потом испытывались в самых тяжелых производственных условиях машины, ставшие предшественниками нынешней уникальной разработки. Разработки, которая сулит огромные перспективы.

«Упустить инициативу нельзя», — убежден А. Л. Савицкий.

В. РЫБАЧЕНКО.

МАГНИТКА

От сердца нашего избытка,
от доброй воли,
так сказать,
мы в годы юности
Магниткой
тебя привыкли называть.
И в этом —
если разобраться,
припомнить
и прикинуть вновь —
нет никакого
панибратства,

Ярослав СМЕЛЯКОВ

а просто давняя любовь.
Я просто счастлив тем,
что помню,
как праздник
славы и любви,
и очертанья первой домны,
и плавки первые твои.
Я счастлив помнить
в самом деле,
что сам в твоих
краях бывал
и у железной колыбели
в далекой юности стоял...

ОТ ПЕРВОГО ДО ОДИННАДЦАТОГО...

(Окончание.
Начало в № 45-46)

«Хорошая техника требует хорошего работника»

Степень воздействия каждого человека на общий результат учесть все-таки невозможно, если все вместе двигаются к намеченной цели. Знаменитое «Даешь Магнитострой!», как подметил представитель третьего поколения магнитогорских доменщиков, делегат комсомольского съезда Валентин Новиков, в шестидесятые годы заменил новым лозунгом «Даешь интеграл!» И технологам-первопроходцам, таким, какими под влиянием Магнитки становились Илья Овсянников, Алексей Шатилин, тоже явно не хватало знаний. По велению сердец шли они в технические школы, на рабфаки. Магнитка учила, металлурги находились под впечатлением речи Серго Орджоникидзе:

— Хорошая техника требует хорошего работника, грамотного инженера, воспитанного человека. Чего у нас не хватает? Пока мы слабы людьми, кадрами, которые могли бы встать у этих машин и заставить их работать на пользу диктатуры пролетариата... Правильно поставить на свое место того или иного работника — это важнейшая задача сегодня.

Пуск второй печи «Комсомолки» пришлось на начало лета 1932-го. Специфичны условия работы металлургов: зимой их одолевает мороз, обшивка цеха индевет, оборудование набирает столько холода, что на открытом воздухе кажется теплее. У огня человек прогревается, но тоже своеобразно: в основном с той стороны, откуда на него действует тепло. Летом же, наоборот, от печи накаляются и обшивка, и оборудование, вездущая жара «достает» горновому не только на канаве или у горна. И хочется опять-таки на свежий воздух, в холодок.

«Комсомолку» пускали с меньшими усилиями, чем предыдущую печь: коллектив сформировался, приобрел опыт совместной работы. И на пуск, потом это вошло в традицию доменного цеха, привлекли самых опытных специалистов. На вторую домну вместе с горновыми Г. Герасимовым, С. Перевезевым, Д. Орловым перевели и Илья Овсянников.

С Ильей Яковлевичем в его квартире ведем разговор о делах 65-летней давности. Овсянников вспоминает, что, когда он работал на второй печи вторым горновым, «закозлили» печь. Возможно, это произошло при втором начальнике цеха Михаиле Федоровиче Жестовском, в лютые морозы зимы 1932-33 годов.

Стрелочник виноват?

Михаил Федорович Жестовский — соратник знаменитого доменщика М. Курако — мощный, по-спортивному подтянутый, появился на ММК в роли начальника доменного цеха в ноябре 1932 года. Не успев толком разобраться в обстановке, категорично заявил, что причина плохой работы в том, что... коллектив не хочет работать.

Видимо, он забыл слова своего учителя, сказанные им еще до Октябрьской революции. Вот как об этом эпизоде рассказывает Александр Бек:

У окна за чертежным столом сидит Жестовский — студент последнего курса Политехнического института... Он набело вычерчивает рудный кран. Курако смотрит.

— Ну как, Михаил Константинович?

— Постолку — постолку. По-эсеровски, пан Жестовский.

Это обычная поговорка Курако, когда он недоволен работой. Лицо Жестовского мрачнеет.

— Эта балка слаба, — говорит Курако. — Возьмите вдвое больше.

— Я два дня высчитывал.

— Еще посчитайте. Вечером скажете.

Курако отходит.

В группу Курако Жестовский попал случайно. В 1917 году в номере петербургской гостиницы, ожидая, как решится судьба Копикуза, Курако сделал карандашом несколько эскизов деталей домны и попросил знакомого профессора поручить студентам срочную работу по карандашным наброскам. Профессор передал работу Владимирскому и Жестовскому — студентам последнего курса. Гордые, что чертят для знаменитого доменщика, студенты быстро закончили работу и принесли ее Михаилу Константиновичу. Курако посмотрел на чертеж и удивленно вгляделся в лица студентов. Он никогда не видел их, а между тем чертеж был выполнен так, как это делали его, Курако, выученики.

— Кто научил вас так чертить? — спросил Курако.

Студенты ответили, что провели лето на одном из уральских заводов, там их учил Казарновский, и с тех пор они не могут чертить по-иному.

— Чему еще вас научил Казарновский?

Студенты стали рассказывать. Курако слушал улыбаясь. Как упругие мячи, к нему возвращались слова, которые он бросал на юге. Студенты говорили, и Курако узнавал свою теорию, свое понимание печи, излюбленные свои словечки.

Казарновский два лета — в одиннадцатом и двенадцатом годах — провел на студенческой практике в Юзовке, и это навсегда решило его инженерную судьбу. Он стал куракинцем, американцем. Он передавал другим то, что воспринял от Курако.

Вечером Жестовский приходит к Курако. У него решительный и мрачный вид. Он говорит:

— Михаил Константинович, вы правы. Предельной нагрузки балка не выдерживает.

— Вот и отлично.

— Я решил уйти от вас, Михаил Константинович. Из меня ничего не выйдет. Ничего я не знаю, ничего не умею. Люди без институтского образования работают лучше меня.

— Вот это правильно, вот это хорошо.

Курако смеется, и глаза его светятся радостью.

Жестовский стоит, понуря голову.

— Вы действительно ни черта не знаете. Поздравляю, из вас выйдет человек. Об уходе бросьте думать. У меня есть спиритга, отпразднуем этот случай. Только чур, Жестовский, — помните: каким бы большим начальником вы ни были, никогда не воображайте, что вы много знаете».

Горячность Жестовского на Магнитке постепенно студила страшная зима 1932-33 годов. В начале декабря налетели сильнейшие бураны, из-за снега в двух шагах не видно было человека. Железнодорожные пути замело по пояс, разливочные машины остановились — первую мартеновскую печь введут в строй только 8 июля 1933 года, а пока весь чугуны шел через разливочные машины. Чугуновозы наполнялись чугуном, печи вынужденно останавливались... Надо было выбивать «козлов», футеровать ковши, сушить их дровами. Доменного газа не было, коксовый в доменный цех еще не подвели. Готовили ковши все, несколько суток. Наконец-то выдали пер-

вый чугун, цех медленно стал оживать.

Опытные доменщики говорят: расстроить печь можно в течение минуты, а настроить — нужны месяцы. В ту зиму, чугуны выходили стальные.

Илья Яковлевич Овсянников рассказывал, как однажды Михаил Федорович, осерчав, раскидал по сугробам всю паровозную бригаду. А дело было так.

От цеха до разлива расстояние небольшое, но тогда оно казалось огромным из-за пустынного, занесенного метровыми сугробами поля. Мороз стоял ниже сорока. Ковши с чугуном повезли на разливочные машины. По времени паровоз уже должен был привезти пустую тару обратно, но...

Жестовский пошел на поиски пропавшего экипажа. У идущего навстречу работника через метель спросил, еле шевеля губами, не видел ли он где чугуновозных ковшей?

— Стоят около стрелочного поста, — донеслось сквозь бурю.

Жестовский пошел дальше. Сквозь штирковую белесую мглу зачернели бока ковшей. Паровоз пыхтел. Заглянул в кабину машиниста — никого. Паровозная бригада нашлась в тесной протопленной будке стрелочника, пила чай.

— Как? Чугун-то в ковшах стынет, посуда закозляется, а они чай гоняют?

Задохнувшись от ярости, Михаил Федорович выкинул всех железнодорожников на улицу. Заодно и стрелочника. Говорят, за этот случай Жестовского сняли с должности начальника цеха. Но, думается, дело не только в этом. Просто коллектив не мог набрать обороты, аварии следовали за авариями. А Жестовский не в силах был подменить одним собой слабую диспетчерскую связь, опытный цеховой персонал, хорошо отлаженный внутризаводской транспорт...

Одиннадцатый был на других не похож

Об Александре Филипповиче Борисове — одиннадцатом начальнике доменного цеха — ветераны первого и второго поколения доменщиков отзываются с необыкновенной теплотой. Самое главное, по их мнению, он сумел навести строгий порядок в определении обязанностей обслуживающего персонала домны. Раньше, к примеру, старший горновой и мастер одинаково ревностно следили за канавой, подготавливали к выпуску металла чугунную летку, наблюдали за состоянием форм. Вдобавок мастер еще и контролировал подачу ковшей. То есть мастер больше занимался организацией, а технология шла самотеком. Киповские приборы регистрировали изменения в поведении печи, а мастеру некогда было взглянуть на них. В лучшем случае он докладывал о ненормальностях работы начальнику смены... Борисов же создал мастерам условия для выполнения прямых обязанностей.

Перелому в работе способствовало и то, что была достигнута однородность основных материалов — руды и кокса — и повышено их качество, обеспечена своевременная уборка чугуна и шлака, проведены мероприятия по улучшению технического состояния домен...

Г. ПОГОРЕЛЬЦЕВ.

На снимке: А. Ф. Борисов.

